

Александр Ильич ЯРОВОЙ

магистр политологии, аспирант кафедры «Теория и практика взаимодействия бизнеса и власти» Государственного университета – Высшая школа экономики

ayarovoy@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ НА РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Статья посвящена анализу тенденции стимулирования институтами власти практики корпоративной социальной ответственности (КСО). Несмотря на противоречивость данной тенденции ввиду того, что КСО является частной инициативой, современные условия и накопленный опыт убедительно доказывают ее неизбежность. В статье даются ответы на вопросы о причинах такого положения вещей и о том, почему данная тенденция, набирая силу последние десять лет и в России и в ЕС, приводит к разным результатам.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, институты власти, гражданское общество, устойчивое развитие, Европейский Союз.

Мировой финансовый кризис пошатнул неокрепшую российскую практику корпоративной социальной ответственности (КСО). Снизились объемы социальных инвестиций, затормозились проекты – будь то благотворительный взнос детскому дому или программа развития территории присутствия. И это неудивительно – в разные времена социальная ответственность у компаний разная, и сейчас она «сжалась» до того, чтобы сохранить рабочие места. Однако кризис не только снизил обороты КСО, но и показал на ее примере, сколь незрелой в России является сама система отношений бизнеса, власти и общества. То, что каждый сектор привык решать социально-экономические проблемы самостоятельно, в краткосрочной перспективе мало способствует преодолению кризиса, а в долгосрочной – не создает предпосылок устойчивому развитию. Поэтому КСО, как раз в качестве одной из немногих площадок, где сходятся интересы власти, бизнеса и общества и могут осуществляться взаимовыгодные проекты, нуждается в скорейшем развитии и укреплении. Могут ли

российские институты власти что-либо предпринять для этого, как ключевые стейкхолдеры и ввиду недостаточной развитости гражданского общества? Какое вообще внимание они уделяют вопросу КСО сегодня? В чем отличия этого внимания от зарубежного опыта, и каков он, передовой зарубежный опыт властей по стимулированию КСО? Начнем с ответа на последний вопрос.

Почему Европейский Союз?

В каждой стране КСО имеет свои характерные особенности. В США и Канаде КСО часто сводится к корпоративной филантропии и социальному маркетингу. В странах Латинской Америки – к выделению компаниями средств в ответ на разрозненные действия ущемленных групп активистов. В Камбодже КСО понимается как партнерство бизнеса с Международной организацией труда (МОТ) в целях улучшения условий работы. В Китае у бизнеса в приоритете здоровье и безопасность сотрудников. В Индии КСО представляет собой благотворительность и минимизацию последствий плохой общественной инфраструктуры. В Австралии – это проекты корпораций под давлением властей; давлением, которое, по сути, определяют экологические и правозащитные организации.

На этом фоне своей многогранностью и разработанностью выделяется КСО в странах Европейского Союза (ЕС). Эта практика вмещает в себя не только перечисленные, но и многие другие проявления социальной, экономической и экологической ответственности. К сегодняшнему дню в мире из 22 тысяч корпоративных нефинансовых отчетов более половины составляют отчеты европейских компаний [23]. ЕС представлены более половины из 6700 организаций, подписавшихся под основным международным сводом принципов КСО – Глобальным Договором ООН [28]. Немаловажно и то, что из 3148 НКО и НГО, консультирующих компании по КСО, 37% работают в ЕС [26].

Благодаря своей разработанности европейская практика КСО вызывает большой интерес для исследования. Однако упомянутый вначале международный финансовый кризис заставляет нас отдалиться от конкретных технологий КСО и посмотреть на опыт ЕС с точки зрения форм поддержки и дальнейшего стимулирования практики в целом.

Сегодня в этом стимулировании важная роль принадлежит институтам власти. Казалось бы, в либеральной Европе стимулирование и даже регулирование властями такой сугубо добровольной деятельности как КСО является противоестественным. Однако в этом нет ничего удивительного. В ЕС практика КСО больше, чем где бы то ни было, позиционируется и является не чем иным, как содействием бизнеса движению

региона по пути устойчивого развития, а организация условий для этого – важнейший мотив деятельности и представителей гражданского общества, и институтов власти ЕС. Власти ЕС подчеркивают, что КСО не может заменить направления публичной политики, но способна внести вклад в достижение их целей, таких как снижение уровня бедности, трудоустройство людей с ограниченными возможностями, профессиональное обучение, улучшение системы здравоохранения, уменьшение загрязнения окружающей среды, более рациональное использование ресурсов, выработка инноваций в ответ на социальные и экологические вызовы и т.д. [17]

Политический генезис КСО

Активное государственное участие в развитии КСО связано во многом с особенностями европейской политической культуры и социализации, такими как: активное участие, вытекающее из информированности и способности формировать требования, плюрализм мнений, консенсус в понимании базовых ценностей, конкуренция политических платформ и т.д. Европейская политическая культура не просто создает возможности, а во многом побуждает активно реагировать на глобальные и локальные вызовы устойчивому развитию, как то прозрачность корпораций, соблюдение прав человека, энергоэффективность, сохранение биоразнообразия и т.д. В результате наблюдается эффективная работа многочисленных групп интересов, продвигающих принципы устойчивого развития и КСО: НКО, НГО, профсоюзов, представительств различных международных организаций и т.д. В рамках своей деятельности они влияют на взгляды местного населения, т.е. избирателей, а также напрямую влияют на разные уровни власти в качестве групп интересов. Таким образом происходит интеграция КСО в сферу публичной политики и влияние на развитие европейской политической конкуренции. В частности, данные особенности определили успех на общеевропейском уровне Партии зеленых.

Однако встает вопрос, почему к влиянию групп интересов так восприимчивы именно наднациональные институты власти в ЕС? Ответ заключается в том, что политическая культура на пространстве ЕС неоднородна, и это определяет разный подход к легитимации КСО в политической жизни разных стран и скорость этой легитимации. Например, в Великобритании, где более 800 организаций, в том числе государственных служб [23], готовят корпоративные нефинансовые отчеты, и есть Министр по КСО, или во Франции, где корпоративные нефинансовые отчеты предусмотрены законодательно, эта скорость существенно выше, чем в таких странах, как, скажем, Венгрия или Португалия [16]. Поэтому наднациональные органы ЕС,

заинтересованные в равномерном развитии и укреплении Союза, являются лидерами в плане развития идеологии и практических мер по распространения принципов КСО. В частности, это объясняет, почему президент Еврокомиссии Дуран Баррозу в предвыборной кампании на второй срок главный упор в своей программе сделал именно на тему устойчивого развития [7], как одну из немногих, по которой сформировался консенсус.

Для европейского бизнеса сложившаяся ситуация означает, что в плане КСО он находится под тройным давлением – представителей гражданского общества, органов ЕС и национальных правительств. Каждая из этих групп стейкхолдеров способна стимулировать КСО бизнеса как напрямую, так и опосредованно. Вместе с тем, бизнес также имеет обратное влияние в форме цивилизованного отраслевого лоббирования и на институты ЕС, и на национальные правительства, что позволяет соблюдать баланс между возможностями роста экономики и интересами общества.

Изучение различных общеевропейских инициатив, директив, регламентов и проектов, принятых на уровне ЕС по стимулированию КСО, позволяет сделать вывод, что они во многом опираются на соответствующее международное идейное поле, сформировавшееся под влиянием положений Международной организации труда (МОТ), Всеобщей декларации прав человека, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирных Саммитов и т.д. В свою очередь документы, принятые на уровне ЕС определяют политику в сфере КСО на национальном уровне. Для наглядности имеет смысл обобщить стимулирующие меры с показом уровней, на которых они разрабатываются в систему (Рис.1).

Данная система сочетает блок законодательных мер и блок дополнительных правительственных и общественных инициатив, демонстрируя, что стоит за влиянием на бизнес представителей гражданского общества, органов ЕС и национальных правительств. Схема показывает, что стимулирование КСО осуществляется практически всеми доступными методами: от публичных обсуждений и дискуссий до прямого регулирования отдельных аспектов КСО на общеевропейском и национальном уровнях.

Рис.1. Система законодательных и дополнительных мер институтов власти, стимулирующая практику КСО

Стимулирование КСО на уровне ЕС

Усилия институтов власти на уровне ЕС выражаются в создании условий для вклада бизнеса, работающего на его территории, в устойчивое развитие и сочетают два направления: совершенствование правового поля (постепенную кодификацию бизнес-этики) и создание и продвижение различных дополнительных не законодательных инициатив, призванных убедить бизнес внедрять и расширять практику КСО. Среди институтов власти ключевую роль играют комитеты Еврокомиссии.

Рассмотрим вначале примеры дополнительных стимулирующих мер. Развитие КСО выделилось начало выделяться в отдельное направление работы ЕС в марте 2000 г., когда в рамках заседания в Лиссабоне Европейский Совет впервые публично призвал компании к повышению чувства ответственности. В 2001 г. Еврокомиссия

опубликовала рабочий документ – зеленую книгу [11], устанавливающую европейскую идеологию КСО, а в 2002 г., в продолжение книги, – документ, посвященный взаимосвязи КСО и устойчивого развития [9]. После этого уже Европейский Парламент сделал ценный вклад в уточнение основ КСО в нескольких десятках своих резолюций 2002 г. и 2003 г.

В 2002 г. был организован Европейский Форум КСО, в который вошли около 50 авторитетных стейкхолдеров от бизнеса, НКО и сектора потребителей и заказчиков [10]. После 2 лет работы участники Форума достигли консенсуса в вопросах продвижения идеологии КСО и совершенствования ее технологий. Наиболее важными стали две рекомендации Форума – о необходимости повышения прозрачности бизнеса, работающего в ЕС, и участия национальных властей в развитии КСО [Hoskins, 2007, с.37]. Однако вопросы отчетности и единых европейских стандартов остались открытыми.

Вторая волна привлечения внимания к КСО в ЕС началась в 2005 г. с обновлением Лиссабонской стратегии. Так, в документе, раскрывающем перспективы роста экономики и занятости [13], Совет Европы рекомендовал государствам-членам ЕС всемерно поощрять развитие КСО компаниями. В 2005 г. также была обновлена стратегия устойчивого развития ЕС [14], и в ней сделан акцент на развитие КСО в среднесрочной и долгосрочной перспективе. А в 2006 г. вышел один из последних и наиболее ярких идеологических документов Еврокомиссии [12], посвященных КСО. В нем Еврокомиссия, в частности, призывает профсоюзы, потребителей, инвесторов, НКО и других стейкхолдеров не останавливаться на достигнутом и «усилить вертикаль КСО» [20], играя более активную роль и поощряя лучшие практики.

Среди практических мер выделяется «Альянс КСО» [18], открытый для бесплатного вступления компаниям любого размера и представляющий наиболее показательный опыт КСО (стратегии, инициативы, результаты, лучшие практики). Помимо Альянса, на ближайшие годы Еврокомиссией разработан еще целый комплекс мер, включая выпуск руководств, спонсирование исследований на тему КСО, создание площадок для объединения стейкхолдеров и т.д. [20]

Говоря о втором направлении – законодательном стимулировании КСО, нужно отметить, что в ЕС единую правовую базу, задающую минимальную планку КСО, по-прежнему заменяет переплетение многочисленных директив и регламентов, относящихся к группе норм, регулирующих конкретные направления экономической, социальной, экологической и культурной сфер. Характерно, что многие директивы и

регламенты создаются исходя не столько из важности КСО, сколько из более общих соображений, но в итоге они оказываются направлены именно на сферу КСО.

Наиболее законодательно проработанными сегодня являются два направления – социальная сфера и сфера охраны окружающей среды. В последние годы все большее внимание начинает уделяться также правилам взаимодействия с местными сообществами, ответственному рыночному поведению и соблюдению прав потребителей, ответственному корпоративному управлению и т.д. Параллельно продолжают вырабатываться «вертикальные» правила устойчивого ведения дел, направленные на различные отрасли: сельское хозяйство, химическая промышленность и т.д.

В сфере охраны окружающей среды законодательство ЕС к сегодняшнему дню состоит из сотен директив и регламентов, задающих конкретную планку экологической ответственности бизнеса [21]. Они посвящены поведению бизнеса в связи с изменением климата, с необходимостью управления отходами, с загрязнением воздуха, управлением и охраной водных ресурсов, охраной природы и биоразнообразия, защитой почв, химическими продуктами, общей защитой граждан и защитой от шумов. Показательна принятая Европарламентом в 2004 г. директива, устанавливающая систему экологической ответственности для предотвращения и устранения трансграничного загрязнения окружающей среды. Согласно принципу «загрязнитель платит», компания, чья деятельность нанесла или может нанести ущерб окружающей среде, несет за это материальную ответственность. Эта директива наделяет широкими правами НКО – они могут обращаться с просьбой в компетентные органы о возбуждении дела против загрязнителя или даже обращаться в суд с целью проверки законности действий или бездействия компетентных органов.

Возможности для развития практики КСО заложены и в таких общеевропейских «зеленых» законодательных мерах, как Интегрированная продуктовая политика (ИП), Схема экологического менеджмента и аудита (EMAS) [6], Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) и т.д. А развитость природоохранного законодательства подчеркивают сертификаты на продажу выбросов CO₂ в связи с действием Киотского протокола.

В социальной сфере также прослеживается высокая степень регулирования. Она отталкивается от Социальной Главы, разработанной в 1992 г. в Маастрихтском договоре и принятой членами ЕС в Амстердамском договоре, вступившим в силу в 1999 г. Она описывает вопросы здоровья и безопасности работников, коммуникаций,

прав работников и условий труда – практически все ключевые вопросы внутренней составляющей КСО.

Например, коммуникации с работниками определяются соответствующей Директивой по информации и консультированию, дающей право работникам быть проинформированными о ситуации в бизнесе, включая советы по текущей и дальнейшей работе и данные о предполагаемых изменениях. Другие вопросы прав работников и коммуникаций также являются приоритетом и выступают объектом многочисленных директив, посвященных дискриминации, трудоспособности и т.д. То же самое касается и условий труда.

Представленные усилия по созданию условий для развития КСО – лишь процент от реализуемых мер, но даже он показывает, сколько серьезное внимание органы власти ЕС придают проблематике КСО и устойчивого развития. Вместе эти усилия создают мощные импульсы развития идеологии КСО и определяют соответствующую политику национальных правительств стран-членов ЕС.

Политика национальных правительств ЕС в сфере КСО

Одним из показателей роли КСО в обществе, ее институционализации и участия в этом процессе национальных правительств является ее юридическое и символическое оформление: в Великобритании работает Министр по КСО, в Швеции – Посол по КСО и т.д. Но на уровне стран ЕС фокус участия властей в развитии КСО несколько отличается. По заявлению Владимира Шпидлы, комиссара ЕС по вопросам занятости, социального развития и равных возможностей, «в одних странах КСО все больше и больше интегрируется в широкий спектр публичных политик, в то время как в других в первую очередь развиваются инициативы, повышающие общую осведомленность в вопросах КСО».

Наиболее полные примеры политики национальных правительств в сфере КСО представляют Великобритания и Франция. Их опыт показывает широту спектра подходов к развитию КСО, и вместе с тем, в этих странах есть уже общее, характерное для многих стран ЕС.

В Великобритании в марте 2000 г., правительство ввело должность министра по КСО. С этого времени роль правительства расширилась и стала включать в себя повышение осведомленности о КСО, обеспечение защиты окружающей среды через содействие бизнесу в КСО во внутренних и в международных проектах, а также поддержку и поощрение приверженности международным стандартам делового поведения.

Среди направлений этой политики – поддержка инновационных подходов и показательной практики стейкхолдеров и компаний; определение минимального уровня КСО – например, по таким фундаментальным проблемам, как здравоохранение, безопасность и равные возможности; поддержка бизнеса, приносящего обществу социальные и экологические выгоды. Правительство участвует во многих международных проектах, развивает финансовые механизмы и стимулы, внедряет КСО в систему государственных закупок, создает программы повышения прозрачности ряда отраслей экономики, расширяет рамки корпоративной отчетности, стандартизирует вклад компаний в устойчивое развитие, создает репутационные стимулы, стимулирует общественный диалог о КСО, а также применяет разные меры по продвижению КСО, в том числе используя авторитет политических лидеров и ресурсы интернета. [8, с.89]

Описание всех этих методов заняло бы не один десяток страниц. Представим лишь наиболее характерные и малоизвестные факты, связанных с использованием интернета, законодательством и программами повышения прозрачности отраслей.

С марта 2001 г. правительство страны опубликовало три доклада, очерчивающие его подход к развитию КСО. На основе этих докладов был открыт правительственный веб-сайт по КСО [24]. В 2004 г. правительство создало «Академию КСО», чтобы помочь компаниям развивать соответствующие компетенции [25]. Отдельный веб-сайт посвящен внедрению принципов социальной ответственности в малый и средний бизнес [27]. В рамках поддержки международных организаций и стандартов в начале 2006 г. правительство выделило средства на создание веб-сайта, посвященного Глобальному Договору ООН в Великобритании; он был запущен Министерством иностранных дел уже в конце года.

В законодательной деятельности важно упомянуть новый закон Companies Act 2006 г. Он ввел регулярную отчетность – Business Review, требующую от компаний раскрытия общей информации по вопросам охраны окружающей среды, политики взаимоотношений с сотрудниками и взаимодействием с местным сообществом. Закон вступил в силу 1 октября 2008 г. Данный закон, пусть позже и в меньшей степени, чем во Франции или Дании, но также закрепляет нефинансовую отчетность в общем виде.

Практически одновременно парламентом были приняты налоговые льготы на инвестиции в социальную сферу. Льгота Community Investment Tax Relief (CITR) поощряет частные инвестиции через финансовые институты развития (Community development finance institutions, CDFIs) как не доходных, так и доходных учреждений, находящихся в «неблагополучных» регионах и находящихся в тяжелой финансовой

ситуации. Соответствуя определенным условиям, CITR рассчитана и на физические, и на юридические лица, предлагая инвестировать, путем займа-покупки ценных бумаг или долевого участия в учреждениях, аккредитованных CDFI. Льготы зависят от объема инвестированных средств и сокращают налог на доход инвесторов и корпоративные налоговые обязательства. Льгота достигает 25% от инвестированных средств [8, с.91]. Помимо CITR правительство также предлагает налоговые стимулы, чтобы поощрить корпоративную поддержку деньгами, оборудованием и другой материальной помощью добровольцам и местным сообществам, включая перечисление средств в фонд зарплат и помощь подарками.

На практике не менее важны и дополнительные инициативы правительства Великобритании, например, с целью повышения прозрачности бизнеса. Среди них меры по внедрению международных и национальных стандартов, таких, как ISO 14001 и BS 8555 [там же, с.90], разработка в 2006 г. первого в мире стандарта управления устойчивым развитием, BS 8900, определяющего результаты устойчивости организаций, которых они должны достичь и которые являются главным мериллом их прогресса, выпуск «Руководства по экологической отчетности».

Другой известной инициативой является ЕІТІ – «Инициатива прозрачности добывающей промышленности», представленная премьер-министром Тони Блэром в Йоханнесбурге в 2002 г [19]. Ее цель – повышение прозрачности платежей, производимых компаниями, а также государственных доходов в добывающей промышленности. Правительство Великобритании продолжает работать с партнерами над тем, чтобы применить опыт ЕІТІ в сферах здравоохранения, строительства и оборонной промышленности. Так, «Альянс прозрачности медицины» развивает в присоединившихся к нему странах прозрачность и подотчетность в цепочке медицинских закупок и поставок, тогда как «Инициатива прозрачности строительного сектора» призвана снизить коррупцию в строительном секторе. Еще один проект – «Инициатива этичной торговли» (ЕТІ), являющаяся трехсторонним альянсом компаний, профсоюзов и НГО, работающих над улучшением условий труда в цепочке поставщиков компаний-членов альянса. Члены ЕТІ используют в своей работе международные стандарты, записанные в ключевых конвенциях МОТ.

Во Франции развитие и регулирование КСО также выделилось в отдельное направление работы национальных и местных властей, имеющее не только сходства, но и отличия от британского. Если в Великобритании иницируется много разноплановых проектов как продолжение активности гражданского общества, то во Франции

заинтересованность общества в КСО не столь велика, что более соответствует общеевропейской специфике. Поэтому во Франции, как и во многих странах ЕС, развитие и регулирование КСО происходит в рамках «Национальной стратегии устойчивого развития». Она была принята в 2003 г. правительством Франции на 5 лет и затем обновлена в 2006 г. [8, с.35]. Главное направление стратегии – добровольное формирование обязательств крупного бизнеса в сфере КСО через работу с отраслевыми объединениями работодателей (обязательств по улучшению показателей выбросов углекислого газа, безопасности условий труда, управления энергией и потребления воды, управления отходами и доступа к инновациям и т.д.). [там же, с.35]

Во-первых, выделяются обращения первых лиц государства, как способ продвижения идей устойчивого развития и КСО. В 2003 г. президент страны Ж.Ширак лично призывал компании, присоединившиеся к Глобальному Договору ООН, организовать координационную сеть для представления страны на международной арене, обмена опытом и распространения принципов КСО. Внутри страны на уровне публичной политики за распространение ответственного делового поведения отвечают Премьер-министр, Министерство экологии и устойчивого развития, Национальный совет по устойчивому развитию, Межведомственный делегат по устойчивому развитию и ряд других органов власти, в том числе на местах [5].

Для Франции больше, чем для Великобритании, характерно активное законодотворчество в вопросе КСО. Обращает на себя внимание закон 2001 г. «О новом экономическом регулировании», – первый в ЕС в области корпоративного управления, определяющий обязательную и подробную корпоративную нефинансовую отчетность. Вместе с тем, в данном законе санкции за не раскрытие информации не предусмотрены.

Важными методами, призванным воодушевить бизнес на развитие КСО, являются информационные проекты, например, предложенная правительством в 2004 г. «Эмблема равенства» [22]. Эта эмблема является знаком отличия, разработанным в результате работы правительства со стейкхолдерами. Этот знак демонстрирует, что в отношении сотрудников, заказчиков и акционеров компания придерживается высших принципов равенства и многообразия. Право на присвоение эмблемы выдает специальный независимый орган AFAQ-AFNOR после консультаций со специальным комитетом. Интересно, что упомянутый орган выглядит как трехсторонняя комиссия: в него входят по пять представителей от правительства, организаций работодателей и организаций, объединяющих работников. Эмблема выдается на 3 года и на сегодняшний день ее обладателями являются около 20 компаний.

К общим методам, характерным для Великобритании, Франции и ряду стран, относятся включение КСО в систему государственных закупок и стимулирование социально-ответственного инвестирования. Представим их также на примере Франции.

Включение КСО в качестве критерия при проведении государственных закупок в стране произошло в марте 2007 г., когда правительство приняло документ [8, с.38], регламентирующий деятельность и расширяющий полномочия государственных организаций, осуществляющих закупки товаров и услуг. Эти организации, конечно, не могут вмешиваться в дела компаний, но могут влиять, предъявляя требования социального и экологического характера. Например, условием заключения контракта может стать включение в него таких условий, как наем определенного числа безработных или невостребованных рынком специалистов.

Говоря о стимулировании социально-ответственного инвестирования, необходимо отметить, что с целью ускорения его применения банками, страховыми компаниями и управляющими фондами во Франции принят закон, организующий работу Резервного пенсионного фонда для учета актуальных социальных, экологических и этических вопросов. В результате, во Франции в 2003 - 2005 гг. объем социально-ответственного инвестирования возрос с 3,5 млрд. евро до 8,8 млрд. евро [там же, с.37].

Примеры Франции и Великобритании показывают возможности успешного развития КСО. Вместе с тем, в совокупности общеевропейские и национальные усилия по развитию КСО нужно рассматривать и как серьезное давление на бизнес. Допускаем, что зачастую компании бывают буквально связаны нормами и ожиданиями и, чтобы им соответствовать и увязывать их со своими корпоративными ценностями, чтобы не терять репутацию и лояльность стейкхолдеров, они вынуждены реализовывать все больше проектов КСО, вкладывать в эту практику все более существенные средства. О подлинной добровольности КСО в таких условиях говорить не приходится. Однако при соблюдении множества условий практика КСО не только соответствует передовым международным подходам, но и становится в полной мере капиталобразующей.

Особенности участия институтов власти в развитии КСО в России

В России к настоящему времени не сложились благоприятные условия для развития КСО. Дореволюционная благотворительность и советская система социальной поддержки не способствовали формированию институциональных норм КСО и механизмов социального партнерства, а характерная нерационально-активистская

позиция представителей гражданского общества, не привела к развитию и интеграции вопросов КСО и устойчивого развития в сферу публичной политики, как в ЕС. Все это наряду с низким уровнем интеграции страны в мировую экономику и информационное пространство, а также с отсутствием традиций корпоративного управления и неудовлетворительным состоянием общественных инфраструктур, привело к повышению роли политического фактора в распространении социальной ответственности бизнеса.

Политические факторы оказывают существенное влияние на характер КСО. Согласно опросу ВЦИОМ в 2002 г., лишь 5-9% руководителей бизнеса считали, что не испытывают давления со стороны местной власти. В 2006 г., согласно исследованию Ассоциации менеджеров России, 79% опрошенных представителей бизнеса заявляли, что именно давление властей служит главным стимулом социальной ответственности [2]. Однако давление властей как таковое является далеко не единственным фактором, раскрывающим всю специфику отношений бизнеса и власти в плоскости КСО.

В целях наиболее полного раскрытия участия российских властей в проблематике КСО, охарактеризуем их действия на федеральном и региональном уровнях.

Кажущееся логичным предположение о том, что воздействие федеральных институтов власти на КСО определяется общим политико-экономическим курсом, справедливо лишь в отношении политической риторики. Общая тональность публичных стимулирующих высказываний политических лидеров была задана в 2003 г., когда прозвучал ряд заявлений президента В.В.Путина о принципе «равноудаленности» [Григорьева, 2007] и актуальности социальной ответственности предпринимателей [Федорцов, 2003]. Указание на необходимость своего рода активизации «легитимации» капитала, накопленного в 1990-е, в русле приоритета социальной стабильности стало предпосылкой спешного увеличения расходов крупного бизнеса на «социалку». Однако к качественным сдвигам в развитии КСО эти заявления в силу описанных выше условий подтолкнули слабо.

С 2003 г. и президент, и премьер-министр, и другие представители исполнительной и законодательной власти на федеральном уровне продолжили напоминать бизнесу о важности социально-ответственного ведения дел. Эти заявления звучали как проактивно, например, в рамках призывов бизнеса содействовать реализации национальных проектов, так и реактивно – в ответ на сохраняющиеся проявления неэтичности и игнорирования социальных проблем. Однако характерно,

что в целом, за редким исключением, высказывания политических лидеров отталкивались от «презумпции безответственности» бизнеса. Тон заявлений, как и сам политико-экономический курс, существенно не изменились до сих пор. Особенно это проявилось с наступлением международного финансового кризиса.

Несмотря на то, что кризис актуализировал среди политиков обсуждение КСО, тем не менее, дискуссия пока находится в заданных ранее рамках. Сохраняющееся отношение федеральных властей к КСО передает заместитель председателя Комитета Государственной Думы по собственности, член фракции «Единая Россия» Ю.Медведев: «Бизнес вообще вряд ли может чувствовать какую-либо ответственность перед обществом, поскольку ни бизнес, ни сама власть пока еще не подходили серьезно к теме социальной ответственности бизнеса. На мой взгляд, социальная ответственность бизнеса должна быть четко прописана в правилах его ведения. Однако, что конкретно там должно быть написано, я пока затрудняюсь ответить» [3].

Все это означает, что по-прежнему практически не находят оценки многочисленные прилагаемые усилия крупных компаний, их существенный вклад в поддержку территорий присутствия, их позитивная роль в социальных изменениях. Резон в сохранении такой публичной позиции, конечно, есть, ведь сегодня системно подходят к КСО лишь несколько десятков бизнес-структур. Но стремятся к КСО и реализуют дорогостоящие социальные проекты много больше компаний. Явные позитивные сдвиги в данной сфере, как то разворот в сторону международных стандартов, системный подход к социальным инвестициям и их объемы, совокупные усилия бизнеса в развитии человеческого капитала, построении информационного общества, сохранении экологии регионов и т.д., пока не получают огласки на высоком политическом уровне. Напомним, что в странах ЕС картина прямо противоположная.

Немногочисленные способы реального участия федеральной власти в развитии КСО пока не подчинены одной логике. Связано это с тем, что государство сегодня по-прежнему сосредоточено на вопросах формирования общего законодательного поля ведения бизнеса, связанного с налогообложением, защитой собственности и т.д. Следствием продолжения административной реформы и совершенствования системы государственного управления является чрезмерная централизация бюджетных ресурсов и регулятивных полномочий. Крайне медленно властью публично ставятся экономические, социальные и экологические проблемы и создаются механизмы их разрешения. В таких несформированных условиях ведения бизнеса уместно говорить, что зачастую компании развивают КСО не благодаря, а вопреки.

Вместе с тем, уже выделяются первые шаги содействия непосредственно КСО – это попытка ее оформления в системе органов власти (Технический комитет по стандартизации № 471 «Социальная ответственность»); принятие ряда концепций, косвенно содействующих развитию ответственного делового поведения (например, «Программа социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2006-2008)», «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации»); содействие общественной дискуссии о социальной ответственности бизнеса наряду с экспертами, представителями бизнеса и НКО; публичная поддержка конкурсов и мероприятий.

Основания говорить о естественном повышении внимания представителей федеральных органов власти к проблематике КСО появляются. Вместе с тем, более детальное рассмотрение приведенных примеров позволяет увидеть, что пока лишь вырабатывается общая позиция в отношении КСО. С учетом того, что отдельные примеры участия федеральных властей в распространении КСО носят спорадический и поверхностный характер, к качественным сдвигам они пока не приводят.

Тем не менее, в целом, рассмотренная в общих чертах ситуация на федеральном уровне напоминает процессы, характерные для институтов власти ЕС 12-15 лет назад. Как и в ЕС, федеральные власти имеют потенциал расширения своего участия в стимулировании КСО, и соответствующие предпосылки начинают накапливаться. Однако формат будущих мер во многом зависит от тех закономерностей, которые сегодня определяют реализацию КСО на региональном уровне, поскольку российский бизнес осуществляет программы КСО, главным образом, в регионах присутствия. На деле КСО сводится именно к региональной социальной политике, которая становится политикой не столько в отношениях с местным сообществом, сколько с местной властью. Это относится как к российским, так и к зарубежным компаниям, работающим в различных отраслях (добыча природных ресурсов, машиностроение, производство продуктов питания, высокие технологии и т.д.).

На региональном уровне действия властей носят более выраженный характер, но обычно нацелены на привлечение бизнеса к решению социальных вопросов в принципе, а не на развитие КСО. Влияние властей характеризуется обменом ресурсами с бизнесом для расширения возможностей в социально-экономической сфере. При этом пока сохраняются методы давления на бизнес в виде требований финансировать местные социальные и квазисоциальные программы, сохраняется неформальный и индивидуальный характер договоренностей представителей бизнеса и власти, общая

неразвитость диалога власти не только с бизнесом, но и с его стейкхолдерами, а также невысокая эффективность действий самих региональных властей в развитии социальной сферы.

В результате влияния региональных властей, в отличие от ЕС, КСО преследует цель соответствия скорее их ожиданиям, чем ожиданиям представителей гражданского общества. КСО выступает главным образом как аргумент в политике взаимоотношений с местными властями, при этом представители гражданского общества не видят в лице многих компаний подлинно «ответственных корпоративных граждан» и сталкиваются с проявлениями деловой неэтичности, неуважения прав человека, нанесения вреда экологии и т.д.

Перспективы расширения деятельности российских властей в сфере КСО.

Особенности участия российских и европейских институтов власти в развитии КСО привели к отличиям, которые удобно представить в виде таблицы:

<i>Характеристика</i>	<i>Европейский Союз</i>	<i>Россия</i>
Предмет КСО	Определен, часто характеризуется общественным консенсусом, в каждой сфере выделены свои акценты, обсуждается в СМИ	Ситуационен, определяется компанией или местными властями с минимальным влиянием СМИ и стейкхолдеров
Минимальный уровень КСО	Как правило, задан директивами ЕС, конкретизирован национальными правительствами законодательно и программно	Ситуационен, законодательный минимум в сфере ответственности бизнеса имеет пробелы
Логика КСО	Системность и рациональность вклада, в т.ч. благодаря высокой стандартизации; добровольность выбора вклада в развитие общества в рамках заданного властью и обществом «коридора»	Высокий процент относительно авральных действий. КСО как приложение к бизнесу, не затрагивающее производство; сочетание жесткой привязки к доходам и филантропии
Масштаб и направление КСО	Соразмерность практики КСО масштабам компании. Экологическая, социальная и экономическая сферы	Несоразмерность КСО масштабам компании (в обе стороны). Приоритет – социальная сфера, стабильность
Участие стейкхолдеров	Стейкхолдеры вовлекаются в выработку корпоративной политики,	Невысокий уровень вовлечения стейкхолдеров, по инерции может

	развит принцип социального партнерства	компенсироваться заключением коллективных договоров
Нефинансовая отчетность	Развита как результат запросов стейкхолдеров, наличия экспертизы, аудита, государственного стимулирования	Основания развивать формируются медленно; описывает преимущественно социальную сферу
Коммуникационная политика	Преимущественно открытая (стремление к прозрачности и не декларативности действий, профессиональное продвижение,)	Преимущественно закрытая

Рис. 2. Сравнение особенностей европейской и российской практики КСО

Результаты текущего участия институтов власти в России в развитии КСО приводят к неутешительным выводам. При сохранении нынешнего положения дел практика КСО в России, вероятно, останется уделом небольшого числа представителей крупнейшего бизнеса – нескольких сотен организаций, в то время как число общее крупных компаний в России по разным оценкам составляет от 3 до 4 тысяч. Несмотря на успехи ряда компаний, практика будет в целом медленнее, чем последние годы, завоевывать новых последователей и выходить из состояния фрагментарности с высоким процентом авральных действий, с размытым предметом, невысокой степенью прозрачности и отчетностью как своего рода элементом «гламура» при общей закрытости информационной политики. Поэтому в развитии КСО видится необходимость перехода к комплексному, системному участию институтов власти.

Однако подобное предложение может вызвать скепсис, основанный на том, что властям не стоит вмешиваться в такую чувствительную сферу как, по сути, добровольная КСО, и лучше положиться на «невидимую руку рынка». Действительно, в российской институциональной среде плохо продуманные и жестко стимулирующие меры не только не создадут столь необходимых условий развития КСО, а, наоборот, отпугнут предпринимателей, не вызовут естественной инициативы развивать КСО.

Вместе с тем, переход властей к комплексному содействию КСО не тождественен давлению на бизнес. Проведение политики развития КСО – это в первую очередь признание той роли, которую бизнес играет в развитии страны.

Поскольку КСО – явление достаточно молодое, государственная политика должна формироваться на долгосрочную перспективу, опираться на взвешенные принципы и использовать ясные, понятные стейкхолдерам и бизнесу методы

реализации. Поскольку объектом данной политики выступает в первую очередь бизнес, политика должна быть понятной, обоснованной, учитывающей текущие условия ведения дел и в хорошем смысле комфортной для предпринимателей.

Все это достижимо лишь в том случае, если политика в отношении КСО не будет ставить целью увеличение числа компаний, строящих свой бизнес согласно принципам КСО. Роль российских институтов власти может заключаться лишь в повышении ценности КСО в глазах бизнеса и стейкхолдеров, а также в создании условий для более эффективного добровольного вклада компаний в социальную, экономическую и экологическую сферы.

В обозримой перспективе это может найти выражение в совершенствовании законодательного минимума в социальной и экологической сферах; в содействии информационному контексту КСО и стимулированию к раскрытию данных, начиная от усиления внимания к интернету и конкурсам и заканчивая дополнительными премиями и местными информационными компаниями; в выявлении и анализе проблем, решение которых при участии бизнеса может содействовать долгосрочному устойчивому развитию регионов; в формировании органа в системе государственной исполнительной власти для продвижения идеологии устойчивого развития и КСО, а также в активизации деятельности упомянутого ТК №471, в том числе в сфере международного сотрудничества. Примечательно, что данные методы не требуют существенных бюджетных затрат и, вместе с тем, активизируют столь необходимое для полноценного развития КСО участие представителей развивающегося гражданского общества.

В заключении важно подчеркнуть, что переход институтов власти к политике содействия КСО, учитывающей российские институциональные особенности, будь он осуществлен сегодня, позволит создать необходимые условия лишь в 5-10 летней перспективе. Но если он осуществлен не будет, то разрыв в сфере КСО с ЕС, скорее всего, будет увеличиваться. А этот разрыв российским властям самим не на руку, т.к. КСО – фактор улучшения репутации российского бизнеса за рубежом, условие для социальной стабильности и социального капитала, устойчивого экономического роста и решения экологических проблем, а также составляющая имиджа страны, т.к. свидетельствует о прозрачности процессов взаимодействия бизнеса, власти и общества. Международный финансовый кризис, ясно показавший, что в полном смысле социально ответственным российский бизнес пока не является, лишь подчеркивает

актуальность перехода к политике содействия КСО.

Список литературы:

1. Бизнес и общественное развитие России: проблемы и перспективы. / Под общей ред. С.Е.Литовченко. – М: Ассоциация менеджеров, 2006
2. Григорьева Е. Путин направил бизнесменов на переработку // Известия. 7.02.2007. - <http://www.izvestia.ru/russia/article3100902/>
3. Кому много дано, с того много и спросится - парламентарии об ответственном бизнесе. // Regions.ru // Новости Федерации. 15.01.2010. - <http://www.regions.ru/news/2264371/>
4. Федорцов В. Бизнес ответит за социальные проблемы страны // RBC Daily. 23.12.2003. - <http://www.rbcdaily.ru/archive/2003/12/23/49734>
5. Brodhag C., Sophie Talire S. National sustainable development strategies: experience of France. Natural Resources Forum 30, 2006. - http://www.norden.org/baeredygtig_udvikling/sk/nsds%20brodhag.pdf
6. Eggert M. Экологическое правовое законодательство ЕС и международная стандартизация в области экологического менеджмента // Семинар, апрель 2006, автор, IBF International Consulting
7. EuroNews. Баррозу нащупал чувствительные места депутатов. // Программа «Европа» от 03.09.2009. - <http://ru.euronews.net/2009/09/03/reactions-to-barroso-persuasion/>
8. European Commission. Corporate Social Responsibility – National public policies in the European Union. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities Unit D. 2. – Luxembourg. - 2007
9. European Commission. Corporate social responsibility: A business contribution to sustainable development, 2002. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2002:0347:FIN:en:PDF>
10. European Commission. EU Multi-Stakeholder Forum on Corporate Social Responsibility. - http://ec.europa.eu/employment_social/soc-dial/csr/last_forum_complete2.pdf
11. European Commission. Green Paper on corporate social responsibility, 2001. - http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sustainable-business/corporate-social-responsibility/index_en.htm
12. European Commission. Implementing the partnership for growth and jobs: making

- Europe a pole of excellence on corporate social responsibility, 2006. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0136:FIN:en:PDF>
13. European Commission. Integrated Guidelines for Growth and Jobs (2005-2008), 2005.
 14. European Commission. Strategy for sustainable development, 2005. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2005:0658:FIN:EN:PDF>
 15. Hoskins T. Corporate Social Responsibility Handbook. – London: The ICSA, 2007.
 16. По данным веб-сайта http://ec.europa.eu/employment_social/emplweb/csr-matrix/csr_matrix_en.cfm
 17. По данным веб-сайта http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sustainable-business/corporate-social-responsibility/index_en.htm
 18. По данным веб-сайта http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sustainable-business/corporate-social-responsibility/european-alliance/index_en.htm
 19. По данным веб-сайта <http://eitransparency.org/>
 20. По данным веб-сайта <http://europa.eu/scadplus/leg/en/cha/c00019.htm>
 21. По данным веб-сайта <http://europa.eu/scadplus/leg/en/s15000.htm>
 22. По данным веб-сайта <http://www.afaq.org/web/afaqinstit.nsf/volfr/serlab>
 23. По данным веб-сайта <http://www.corporateregister.com>
 24. По данным веб-сайта <http://www.csr.gov.uk>
 25. По данным веб-сайта <http://www.csracademy.org.uk>
 26. По данным веб-сайта <http://www.globalpolicy.org/ngos/tables/ngosregion.htm>
 27. По данным веб-сайта <http://www.smallbusinessjourney.com>
 28. По данным веб-сайта <http://www.unglobalcompact.org>